

моя жизнь - 1942 - 1992

ВОКАЛ

с. 22

Эрик Курмангалиев — *enfant terrible* постсоветских около-музыкальных кругов. Несносное, но любимое дитя, которому прощают все. Одна из последних прихотей «звезды» — отказ от интервью отечественным журналистам. (Обиделся!). Ведь большинство материалов, появившихся о нем в последнее время, имели отчетливый привкус «клубнички». Мне захотелось написать об Эрике серьезно, и я убедил его дать последнее бесплатное интервью.

КТО ЗАПРЕТИТ МНЕ ПЕТЬ

О Курмангалиеве давно говорят как о крупнейшем явлении отечественной оперной сцены. Его уникальный вокальный дар снискал немало поклонников и у нас в стране, и за рубежом. Дебютировав 12 лет назад в амплу классического исполнителя, в прошлом году Эрик Курмангалиев попробовал свои силы на театральной сцене, исполнив роль Сонг Лилинг в спектакле Романа Виктюка «М. Баттерфляй». Последние два года Эрик выступал очень редко, поговаривали о проблемах с голосом и творческом кризисе. Однако он снова на сцене и полон энергии и планов. Я встретился с певцом после первого в нашей стране концертного исполнения оперы Глюка «Орфей и Эвридика», где Курмангалиев блистательно спел заглавную партию.

— Ты родом из Казахстана, каким образом оказался в Москве?

— Моя семья жила в Гурьевской области, до столицы Казахстана трое суток на поезде, три часа на самолете. Сначала приехал в Алма-Ату, а потом, бросив подготовительное отделение консерватории, — в Москву.

— Кто впервые обратил на тебя внимание?

— Профессор Нина Львовна Дорлиак, потом — Нина Николаевна Шильникова, которая, несмотря на то что от меня везде отказывались, пробила для меня место в Институте имени Гнесиных. Но прежде, чем получить корочку о высшем образовании, без которой у нас невозможно стать профессиональным артистом, я преодолел огромное количество барьеров.

— Трудно давалась учеба?

— Нет. Но я был первым контра-тенором в СССР, поэтому по отношению ко мне возникла определенная неуверенность преподавателей. Каждый человек имеет свое дыхание и поет так, как оно ему это позволяет, невозможно учить вокалиста искусственно посылать куда-то звук.

— Когда ты начал концертную деятельность?

— Еще учась в Гнесинке, я выходил на сцену с великими исполнителями. Впервые выступил в 1980 году в Большом зале Ленинградской филармонии в сопровождении оркестра под руководством Антона Шароева. Я исполнил тогда кантату Перголези «Стабат матер». Потом стал выступать с оркестрами Рождественского, Гринденко, Николаева...

— Как ты познакомился с Альфредом Шнитке?

— Это было в январе 1981 года. Оркестр под управлением Геннадия Рождественского готовил Вторую симфонию Шнитке. Я учился на втором курсе. В институтских стенах было тесно, хотелось петь еще где-то. Я пришел прослушиваться в хор Полянского, который пригласили исполнять Вторую симфонию. В ней была партия контра-тенора, а Альфред Гарриевич как раз занимался поиском вокалиста. Я оказался рыбой, пришедшей в сеть. Потом я исполнил партию в Четвертой симфонии Шнитке. В расчете на

меня и Аллу Пугачеву он написал кантату «История доктора Фауста», но Пугачева в силу некоторых обстоятельств не пела. Надеюсь, наше сотрудничество продолжится.

— У тебя есть любимые партии?

— Это ария Керубино в «Свадьбе Фигаро» Моцарта, конечно, «Орфей» Глюка и «Адмет» Генделя. А недавно я откопал клавиры замечательной оперы Россини, где главные мужские партии написаны для контральто. Сейчас постепенно осваиваю материал, и это приносит ощущение радости и предвкушения постановки, которая должна стать большим событием в музыкальной жизни...

Импресарио Эрика Курмангалиева, представитель германской фирмы «Штайд» в Москве Александр Домбровский дополнил информацию о певце: «К великому сожалению, у Курмангалиева не было ни одной оперной постановки. Партий, которые он мог бы исполнять, не так много, и они уже заняты именитыми певцами. Поэтому Эрик исполнял их в концертном варианте. У нас почему-то мало интересуются подобным репертуаром, хотя в Европе эти партии считаются классическими. Мы и так растеряли много замечательных голосов, и у Курмангалиева были порывы уехать. Помогая ему, я как-то пытаюсь это предотвратить».

— Я неоднократно слышал, что твоя роль в спектакле «М. Баттерфляй» — своеобразная компенсация затянувшегося вокального кризиса.

— Я знал, что будут говорить, будто с пением для меня все кончено. К счастью, это не так. Участие в спектакле действительно было предложено в тот момент, когда я не пел уже почти два года. Не потому, что не мог, а потому, что не хотел. Может быть, на меня повлияли все эти политические события, обстановка в стране.

На репетициях я понял, что спектакль очень сложный, физически тяжелый. Мне пришлось в нем петь, говорить, играть и двигаться. Поначалу пение не всегда удавалось. Но через некоторое время организм адаптировался, и, по-моему, сейчас нет никаких проблем: получается и то, и другое, и третье. Конечно, мне очень хотелось исполнить арию Чио-Чио-Сан, и я был первым мужчиной, кто это сделал. Мне предлагали петь под фонограмму, но я отказался, предпочитая исполнять все «в живую».

— Судьба спектакля оказалась непростой. Пьеса пришлось не по вкусу Министерству культуры бывшего Союза, постановка была запрещена. Как ты тогда отнесся к этому?

— Никогда не задумывался над подобными проблемами и не обращал на них внимания.

Я человек очень гордый и свободолюбивый. Министр, президент, еще кто-то меня мало волнует. Кто может запретить мне петь?!

Беседовал

Ярослав МОГУТИН